

Украинскій книжный языкъ и общерусская культура.

(Отвѣтъ П. Б. Струве *).

Опять все тотъ же старый и тяжелый вопросъ объ украинскомъ—къ счастью, на этотъ разъ—не сепаратизмѣ, а партикуляризмѣ!

Съ большимъ интересомъ прочелъ я статью г. Петра Струве „Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ“ („Русская Мысль“, 1912 г. № 1). Интересъ этотъ, является, впрочемъ, не результатомъ найденнаго мной въ статьѣ рѣшенія сомнѣнныхъ вопросовъ,—рѣшенія, которое удовлетворяло бы меня въ смыслѣ отысканія истины,—напротивъ, я чувствую, что та плоскость, въ которой разсматривается вопросъ г. П. Струве, порождаетъ новыя сомнѣнія, еще болѣе рѣзко приводящія къ тупику, чѣмъ тѣ прямолинейныя разсужденія, лучше сказать, своего рода кликушества, какія время-отъ-времени появляются по этому вопросу изъ-подъ пера гг. Меньшикова, Савенко и друг. Интересъ статьи г. П. Струве, по крайней мѣрѣ для меня лично, сосредоточенъ на томъ, что авторъ, признавая украинофильскую теорію, приглашаетъ „русское прогрес-

*) Въ январской книжкѣ „Русской Мысли“ за настоящій годъ, вышедшей нѣсколько дней тому назадъ, напечатана статья П. Б. Струве „Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ“. Такъ какъ въ статьѣ этой редакторъ русскаго либеральнаго журнала пытается войти въ самый центръ украинскаго вопроса и затрагиваетъ наиболѣе существенныя его стороны, то редакціи „Украинской Жизни“ придется неоднократно возвращаться—и попутно и ad hoc—къ тѣмъ взглядамъ, выразителемъ которыхъ является теперь бывшій руководитель „Освобожденія“. Сейчасъ мы имѣемъ возможность дать мѣсто отвѣту на статью г. Струве, авторъ котораго касается одной стороны предмета, а именно отношеній между книжнымъ украинскимъ языкомъ и „общерусской“ культурой. Какъ увидятъ читатели по ознакомленіи съ печатаемой статьёй, въ ней очень наглядно выявлена полная несостоятельность мнѣній г. Струве въ указанной области даже при томъ условіи, если принять его исходное положеніе и не выходить за предѣлы минимальныхъ и вполне безспорныхъ культурныхъ требованій и нуждъ украинскаго населенія. Въ февральской книжкѣ „Украинской Жизни“ редакція имѣетъ въ виду напечатать отклики на статью г. Струве представителей другихъ направленій въ украинствѣ.

сивное общественное мнѣніе энергично, безъ всякихъ двусмысленностей и поблажекъ, вступить въ идейную борьбу съ „украинствомъ“, какъ съ тенденціей ослабить и отчасти даже упразднить великое пріобрѣтеніе нашей исторіи—общерусскую культуру“. Отъ идейной борьбы никто, конечно, не станетъ отказываться, и я лично охотно беру перо въ руки, чтобы побесѣдовать по этому наболѣвшему вопросу, надѣясь, что почтенный авторъ приметъ мои слова не какъ воинственный отпоръ его вооруженному нападенію („безъ всякихъ двусмысленностей и поблажекъ“), а какъ мирное собесѣдованіе добрыхъ сосѣдей, которымъ не предстоитъ никакого спорнаго дѣла.

Оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, что такое „укаинофильская“ и „укаинская“ точка зрѣнія, такъ какъ считаю болѣе существеннымъ въ данномъ случаѣ опредѣлить раньше, какова должна быть задача интеллигенціи всякой націи, ибо на долю интеллигенціи выпадаетъ роль направлять теченіе культурной жизни своего народа въ ту или иную сторону. Конечно, это не значитъ, что интеллигенція является единственнымъ рычагомъ, поворачивающимъ народную жизнь въ опредѣленномъ направленіи,—очень часто колесо исторіи народовъ вращается въ зависимости отъ тѣхъ причинъ, которыя стоятъ внѣ воли интеллигентныхъ классовъ; но, каковы бы ни были эти повороты, интеллигенція данной націи обязана учитывать историческіе моменты и, сообразуясь съ ними, помогать своему народу становиться на желательный путь. Я думаю при этомъ, что ошибоченъ будетъ тотъ принципъ, по которому руководящіе классы, въ данномъ случаѣ интеллигенція, выработавъ для себя проблемы отдаленныхъ историческихъ перспективъ, пожелають прямолинейно совершать свою работу для народныхъ массъ во имя этихъ проблемъ, не считаясь съ требованіями текущей жизни и современныхъ условій. Если интеллигенція желаетъ быть руководителемъ народа, то она не должна забывать общепедагогическаго принципа—хорошо изучить всѣ особенности руководимаго ею народа и, подошедши къ нему близко, вести его съ собою шагъ за шагомъ, подымая его съ одной ступеньки на другую все выше и выше и приближая, конечно, къ осуществленію той проблемы, которая составляетъ предметъ вѣры руководящаго лица. Говоря проще, интеллигенція не только можетъ, но и должна выработать

вать эти проблемы, должна горячо обсуждать ихъ, спорить о нихъ, но свою работу по отношенію къ народу обязана совершать тѣмъ методомъ, который гарантируетъ ему вполне здоровый, а не болѣзненный процессъ жизни и который явится одинаково пригоднымъ впереди при разныхъ поворотахъ историческаго колеса. Если я, владея участкомъ земли, рѣшаю завтра на немъ возводить постройки, то не будетъ оправдано здравымъ смысломъ мое распоряженіе сегодня культивировать этотъ участокъ удобрительными туками только потому, что по отношенію къ землѣ я вообще держусь принципа интенсивной культуры. Равнымъ образомъ, если я убѣжденъ, что на этомъ участкѣ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ будутъ возведены постройки, а пока-что онъ все-же будетъ обрабатываться подъ посѣвъ, и въ виду этого сдѣлаю распоряженіе не удобрять его,—то едва ли такой методъ хозяйства моего будетъ рациональнымъ. Это мое основное положеніе, какъ мнѣ кажется, остается одинаково вѣрнымъ въ примѣненіи его къ самымъ разнообразнымъ формамъ работы. Поэтому я постараюсь теперь выяснитъ, какой методъ работы является настоятельно необходимымъ среди украинскаго народа при современномъ его состояніи, насколько удобопримѣнимы тѣ методы, которые рекомендуются г. П. Струве во имя принципа „общерусской культуры“ и чѣмъ разнятся отъ нихъ методы тѣхъ людей, которые придерживаются „украинской точки зрѣнія“.

Начну съ того положенія, въ которомъ мы съ г. П. Струве совершенно не расходимся: необходимо направлять жизнь народную такъ, чтобы видѣть въ концѣ-концовъ во всякомъ взросломъ человѣкѣ сознательнаго гражданина, — во-первыхъ; нужно всѣми средствами способствовать устраненію общеизвѣстнаго факта русской народной безграмотности и плачевнаго состоянія народнаго образованія въ Россіи, — во-вторыхъ. Признавая эти положенія, я иду далѣе въ своихъ разсужденіяхъ. Что значитъ сдѣлать человѣка сознательнымъ гражданиномъ? По нашему разумѣнію, это значитъ снабдить его тѣмъ минимальнымъ запасомъ знаній, который позволитъ ему здраво ориентироваться въ окружающей его дѣйствительности, развить въ немъ способность міропониманія во всѣхъ главныхъ сторонахъ жизни, какъ-то: въ религіи, въ государственномъ укладѣ, въ со-

ціальному строѣ, въ искусствахъ. На какомъ языкѣ онъ будетъ проявлять свою гражданскую зрѣлость, для меня это вопросъ не первой очереди, такъ какъ я признаю, что прежде всего, въ жизни русскаго государства мнѣ дорогъ сознательный гражданинъ, на какомъ бы языкѣ онъ ни проявлялъ свою гражданственность. Вотъ тутъ-то и начнется рѣзкое разногласіе наше съ г. П. Струве.

Признавая, что „заостреніе украинскаго партикуляризма есть задача и выдумка чисто интеллигентская“, г. П. Струве, однако, и самъ идетъ по дорогѣ чисто интеллигентскихъ разсужденій о будущей общерусской культурѣ, почему-то непремѣнно связывая ее въ общерусскимъ языкомъ. Вполнѣ подписываясь подъ принципомъ общерусской культуры и желая ей наибольшаго расцвѣтанія, какъ общегосударственной культурѣ Россіи; не отрицая въ то же время возможности видѣть впереди общерусскій языкъ въ роли объединяющаго въ себѣ всѣ отдѣльные русскіе мѣстные языки,—все-же въ настоящее время я не усматриваю тѣхъ данныхъ въ этомъ языкѣ, которыя могли бы мнѣ дать право, игнорируя общеизвѣстный фактъ русской народной безграмотности, отказать отъ ближайшихъ и простѣйшихъ методовъ воспитанія и созданія сознательнаго русскаго гражданина, а перейти прямолинейно къ выполненію моего проблематическаго финальнаго аккорда. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ г. П. Струве идетъ по тому же пути, по которому желаютъ направлять жизнь люди, увѣровавшіе въ какой-нибудь отдаленный идеалъ, создавшіе себѣ гдѣ-то въ туманной дали кажущуюся имъ непреложной истиной проблему и потому готовые принести всякія жертвы, готовые переживать всякіе патологическіе процессы, лишь бы достигнуть этого идеала. Задача почтенная на первый взглядъ, но, во-1-хъ, не всегда осторожная, а во-2-хъ—допускающая болѣзненные эксперименты надъ чужимъ организмомъ. Вѣдь въ концѣ-концовъ можетъ оказаться позиція хуже той, которую я вскользь указалъ раньше: тотъ участокъ земли, на которомъ я предполагаю черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ возводить постройки, не только не будетъ удобряться для текущихъ посѣвовъ, но будетъ истощенъ въ конецъ, а между тѣмъ какая-нибудь рѣзкая перемѣна въ жизни владельца участка укажетъ на необходимость отказать отъ мысли о постройкахъ, и придется тогда приняться заново

за удобрительные туки. Или еще болѣе рѣзкая картина: тамъ, гдѣ теперь растеть,—правда, въ дикомъ, запущенномъ видѣ,—прекрасный лѣсъ, я предполагаю возможнымъ и даже вѣроятнымъ въ неопредѣленномъ будущемъ завести плантациі и съ этой цѣлью сейчасъ же начинаю рубить лѣсъ; но проходятъ года, лѣса нѣтъ, а плантациі тоже нѣтъ,— и въ результатѣ запущенная мелкая поросль, во многихъ мѣстахъ можетъ быть занесенная пескомъ.

Г-нъ П. Струве такъ увѣровалъ въ проблему общерусской культуры съ общерусскимъ языкомъ, что готовъ во имя ихъ пренебречь всѣми ненормальностями, всѣми болѣзненными процессами, которые совершаются въ настоящее время въ жизни, на примѣръ, украинцевъ. Его не смущаетъ, что разговорная русская рѣчь во многихъ мѣстахъ „представляетъ лишь мѣстную порчу чистаго русскаго языка“; онъ успокаиваетъ себя тѣмъ, что это „только на первый взглядъ, а на самомъ дѣлѣ тутъ сложный и пестрый процессъ выработки разговорной *мови* 1) Россійской имперіи“. „Пусть намъ рѣжетъ ухо,—говоритъ онъ далѣе,— тотъ русскій языкъ, на которомъ говорятъ мѣстные люди въ Кіевѣ, Одесѣ, Харьковѣ и другихъ южныхъ городахъ; но мы не должны забывать, что этотъ и неблагозвучный, и неправильный, пронизанный мѣстными звуковыми, лексическими и синтаксическими особенностями языкъ... навсегда объединилъ эти города съ остальной Россіей“. Тутъ каждая фраза автора порождаетъ рядъ сомнѣній, на которыхъ я пока-что въ подробностяхъ останавливаться не буду; отмѣчу только одно: неужели г. П. Струве думаетъ, что единственнымъ путемъ объединенія русской гражданственности является указанный имъ методъ, при которомъ происходитъ порча чистаго русскаго языка, и неужели нельзя найти для этого другихъ дорогъ, которыя и сохранять въ чистотѣ богатый русскій книжный и разговорный языкъ и въ то же время еще сильнѣе объединять русскихъ гражданъ въ одну сильную государственную семью? Если г. П. Струве въ этомъ убѣжденъ, то только и можно сказать ему, что плохимъ же онъ цементомъ думаетъ скрѣпить тѣ составныя части, которыя не поддаются болѣе тѣсному и органическому соединенію. Я этого не думаю, но оставляю за собою право сказать по этому поводу въ другой разъ, тѣмъ болѣе, что статья г. П. Струве направлена

1) Общій языкъ.

въ иную сторону и этихъ вопросовъ не касается. Такъ какъ центръ статьи автора заключается въ доказательствѣ того положенія, что украинская интеллигенція своей работой въ украинскомъ направленіи тормазитъ ходъ созданія общерусской культуры съ органомъ ея, общерусскимъ языкомъ, то я исключительно займусь посильнымъ объясненіемъ моей точки зрѣнія на этотъ вопросъ.

Начну я свои размышленія опять съ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ, какъ кажется, мы не расходимся съ почтеннымъ авторомъ. Если мы признаемъ, что задача интеллигенціи состоитъ въ работѣ для массъ съ цѣлью поднятія ихъ до уровня сознательнаго гражданина, то естественнымъ является прежде всего тотъ методъ въ этой работѣ, который наглядно можно выразить въ слѣдующей картинѣ. Благодаря особымъ благопріятнымъ условіямъ я получилъ возможность подняться на большую высоту и стою теперь на вершинѣ крутой, отвѣсной горы, а у подошвы этой горы толпятся люди, у которыхъ, можетъ быть, есть желаніе тоже быть на этой высотѣ, но нѣтъ у нихъ тѣхъ благопріятныхъ условій, какими воспользовался я. Жестоко было бы съ моей стороны, не давъ этимъ людямъ тѣхъ же благопріятныхъ условій, съ высоты своего положенія приглашать ихъ подняться по крутому отвѣсу на вершину горы, несмотря на то, что при этомъ подъемѣ неизбѣжны смерти, калѣчества, изуродованія организма. И гуманнѣе, и рациональнѣе поступлю я, если, не будучи въ состояніи дать этимъ людямъ непосредственныхъ благопріятныхъ условій, но, зная обходныя дорожки, которыя безъ особыхъ опасностей могутъ привести на эту же гору, самъ я спущусь къ нимъ и шагъ за шагомъ, показывая имъ эти спокойныя дорожки, проведу ихъ съ собою. Совершенно въ такомъ же положеніи челоуѣка, стоящаго на высотѣ, находится интеллигенція вообще, а тѣмъ болѣе современная украинская интеллигенція. Та высота, которой интеллигенція достигла, есть результатъ благопріятныхъ условій, главнымъ образомъ экономическихъ, какими она обставлена, особенно же украинская интеллигенція, владѣющая русскимъ книжнымъ и разговорнымъ языкомъ, благодаря пройденной ею школѣ, благодаря всѣмъ формамъ и особенностямъ домашняго ея быта. Если бы эта интеллигенція, какъ очень и очень часто случается, стала разсуждать по отношенію къ украинскому народу такъ: „пусть онъ достигаетъ той же высоты тѣми

же путями, какими я сама шла“, то это было бы не только жестоко по отношенію къ нему, но, попросту говоря, лицемерно, потому что по существу подобные люди и не желают совсѣмъ видѣть массы въ положеніи сознательныхъ гражданъ. Конечно, не на эту позицію приглашаетъ насъ стать г. П. Струве; онъ какъ бы признаетъ въ принципѣ методъ нисхожденія къ массѣ, говоря по поводу начальной школы такъ: „Что касается начальной школы, то положеніе въ ней мѣстнаго языка, на которомъ дѣти начинаютъ говорить и думать, опредѣляется, конечно, педагогическими соображеніями“, т.-е. въ начальной школѣ на Украинѣ г. П. Струве, нужно думать, признаетъ украинскій языкъ какъ языкъ преподаванія. Въ этомъ пунктѣ, значить, между нами разногласія нѣтъ. Не будетъ этого разногласія по существу и во второмъ пунктѣ, который у г. П. Струве выражень такъ: „Но для меня не подлежитъ сомнѣнію, что одна изъ главныхъ,—и образовательныхъ, и практическихъ,—задачъ начальной школы заключается въ томъ, чтобы всякаго русскаго приобщить къ органу русской культуры, русскому языку, и что къ этому нужно стремиться всѣми разумными способами“. Я сказала, что въ этомъ пунктѣ у насъ не встрѣтится разногласія по существу, такъ какъ я не отрицаю необходимости въ начальной школѣ обучать русскому языку; но въ одной, очень важной впрочемъ, детали мы разойдемся. Г-нъ П. Струве говоритъ, что приобщеніе школьника къ русскому языку есть „одна изъ главныхъ,—и образовательныхъ, и практическихъ,—задачъ начальной школы“. Во-первыхъ, я думаю, что главнѣйшая задача начальной школы—поднять учениковъ на нѣсколько ступенекъ по пути къ достиженію положенія сознательнаго гражданина, что, какъ извѣстно, находится въ зависимости отъ суммы основныхъ знаній, преподанныхъ школой, и отъ подъема общаго развитія и выработки нѣкоторой степени культурности. Во-вторыхъ, зная, съ какимъ трудомъ украинское дитя постигаетъ русскую книжную рѣчь, я не вижу возможности въ начальной школѣ „приобщить дѣтей къ органу русской культуры, русскому языку“, а только допуская, что удастся въ очень общихъ чертахъ приучить къ русской книжной рѣчи, но при этихъ условіяхъ нельзя рассчитывать на выполненіе школой при помощи русскаго книжнаго языка главной ея задачи—дать знанія и развитіе. Я не стану приводить здѣсь тѣхъ многочисленныхъ

примѣровъ, которые указывались уже не разъ въ печати, когда русская рѣчь въ украинской школѣ, то въ видѣ уроковъ учителя, то въ видѣ русскаго учебника, влекла за собой курьезы, кажущіеся намъ смѣшными, но по существу своему являющіеся съ очень печальной подкладкой. Мнѣ самому смѣшно было услышать въ школѣ въ разсказѣ мальчика изъ новозавѣтной исторіи фразу: „Исусу Христу не давали ѣсть“, когда въ разсказѣ книжномъ было сказано: „не годовали на Исуса“ (не годовали по-украински значитъ не кормили); но это веселое настроеніе быстро смѣнилось грустью, когда пришлось задуматься надъ общимъ вопросомъ. Вотъ почему мнѣ кажется, что мечты г. П. Струве о приобщеніи украинскихъ школьниковъ къ органу русской культуры, русскому языку при современномъ положеніи школы неосуществимы, а вѣдь мы знаемъ, что положеніе это скоро измѣниться не можетъ. А если такъ, то мы, считая необходимымъ дать школьнику при окончаніи имъ школы нѣкоторую сумму знаній, должны главнымъ образомъ дать ему въ руки средство впереди умѣть пользоваться книгой для дальнѣйшаго самообразованія и развитія, потому что мечтать о какой-то длительной школьной наукѣ для него мы не имѣемъ основанія. Вотъ чѣмъ прежде всего оправдывается стремленіе украинской интеллигенціи готовить для массъ популярныя книги на украинскомъ же языкѣ, приучить къ чтенію на которомъ въ школѣ гораздо проще и легче, чѣмъ научить читать книги, хотя бы и популярныя, на русскомъ книжномъ языкѣ. Не говорю уже о томъ, что одной изъ двигательныхъ пружинъ въ дѣлѣ общаго развитія человѣка является художественная сторона, что достигается умѣніемъ и любовью читать беллетристическія произведенія. Послѣ всего сказаннаго раньше очевиднымъ явится бѣльшій успѣхъ въ чтеніи украинцемъ, окончившимъ школу, художественныхъ произведеній на своемъ родномъ языкѣ, гдѣ слова, обороты, образы—все знакомо, нежели на книжномъ русскомъ языкѣ, гдѣ на каждомъ шагу будетъ встрѣча или съ неизвѣстнымъ, или съ малоизвѣстнымъ, или съ плохо поддающимся воспріятію чувствъ. Отсюда понятно стремленіе украинской интеллигенціи создавать свою родную художественную литературу, не говоря уже о томъ, что, кромѣ сознанія полезности, къ этому влечетъ и естественный порывъ души автора-художника.

Такимъ образомъ, едва ли можно сказать, что украинская интеллигенція, выполняя эту миссію, уклоняется отъ исполнѣ рациональнаго пути въ работѣ своей на пользу родной націи; она, спустившись съ высокой горы къ своему народу, хочетъ вести его на эту же гору, однако не тѣми путями, которыми ей самой удалось туда взобраться, такъ какъ не можетъ она обставить массы условіями, пережитыми ею самой. Впрочемъ, въ этомъ пунктѣ г. П. Струве какъ-будто до извѣстныхъ предѣловъ готовъ признать основательность въ работѣ украинцевъ, хотя большимъ туманомъ покрыты здѣсь его мысли. Такъ, въ самомъ началѣ своей статьи онъ говоритъ: „Я не отрицаю вовсе того, что въ извѣстномъ смыслѣ существуетъ самостоятельная малорусская культура, и я не желаю вовсе исчезновенія малорусскаго языка“. Нѣсколько далѣе, какъ я уже указалъ, г. П. Струве, какъ кажется, допускаетъ, въ виду педагогическихъ соображеній, украинскій языкъ въ начальной школѣ, но какую роль онъ долженъ играть здѣсь, авторъ не опредѣляетъ. Еще далѣе читаемъ такія строки: „не имѣю ничего противъ культурныхъ украинскихъ стремленій, какъ стремленія поддерживать и пѣствовать мѣстныя особенности быта и языка“. Наконецъ, какъ заключительный аккордъ, является у автора какая-то романтика съ тѣми идиллическими мотивами, которые,—да проститъ намъ авторъ,—напоминаютъ м а н и л о в щ и н у: „на этомъ пути (скромнаго областного развитія) малорусскій языкъ будетъ сохраняться и расти какъ мѣстный языкъ, какъ языкъ мѣстной художественной литературы и, можетъ быть, въ извѣстныхъ границахъ, опредѣляемыхъ чисто педагогическими соображеніями, какъ языкъ мѣстной начальной школы; на этомъ пути онъ можетъ соблюсти свои краски, онъ будетъ держаться и освѣжаться въ народныхъ низахъ, въ тѣхъ тихихъ и глубокихъ заводяхъ народной жизни, въ которыхъ сельскій, главнымъ образомъ, быть укрывается отъ всеуравнивающей и вседробящей желѣзнодорожной, фабричной, митинговой, кафешантанной и кинематографической цивилизаціи“. На основаніи этихъ словъ можно представить себѣ такую проблему будущаго въ украинской жизни: гдѣ-то на верхахъ живетъ сравнительно небольшая группа лицъ, непосредственно примыкающая къ цивилизаціи, пользующаяся всѣми благами общерусской культуры, съ ея органомъ — общерусскимъ языкомъ, горячо

участвующая въ широкихъ областяхъ всей культурной жизни государства, и въ видѣ отдыха для себя спускаются иногда къ низамъ, въ тѣ „тихія и глубокія заводи народной жизни“, въ которыхъ можно найти, среди громаднѣхъ массъ сельскаго населенія, мирныя идиллическія картины, какъ-то: крестьянъ и крестьянокъ, поющихъ милыя украинскія пѣсни, одѣтыхъ въ свои національные костюмы, сохраняющихъ свой мѣстный языкъ,—однимъ словомъ, благоденствующихъ. Но куда же, въ такомъ случаѣ, спросимъ мы почтеннаго автора, исчезли наши мечты о сознательномъ гражданинѣ Россіи? Гдѣ же признакъ той общерусской культуры, о которой говоритъ авторъ? Видно, что все останется *statu quo*, и даже, пожалуй, опять придется намъ пѣть карамзинскую пѣсню, вложенную въ уста земледѣльцевъ:

Какъ ни пѣть намъ? Мы счастливы!
Славимъ барина-отца.
Наши рѣчи не красивы,
Но чувствительны сердца.
Горожане насъ умнѣе:
Ихъ искусство—говорить.
Что-жъ умѣемъ мы? Сильнѣе
Благодѣтелей любить.

Ни одной минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что не эти картины будущаго рисуются г. П. Струве, но невольно онъ подошелъ къ нимъ, самъ того не замѣчая, только потому, что его завлекла сюда мысль объ общерусскомъ языкѣ, для котораго никакъ не найдетъ онъ, такъ сказать, программной постановки при рѣшеніи вопроса о замѣнѣ имъ мѣстнаго украинскаго языка. Въ самомъ дѣлѣ, въ начальной школѣ, гдѣ едва можно успѣть научить кое-какъ читать и писать (и то больше съ технической стороны, чѣмъ сознательной), гдѣ никакъ невозможно сдѣлать книжный русскій языкъ дѣйствительнымъ орудіемъ школьника, г. П. Струве совершенно не даетъ указаній программной постановки обученія этому языку, а между тѣмъ мечтаетъ о томъ, что создастся сознательный гражданинъ на Украинѣ съ общерусской культурой и общерусскимъ языкомъ. Едва ли также онъ считаетъ возможнымъ видѣть народныя массы прошедшими дальнѣйшія школы (среднія), гдѣ дѣйствительно могло бы произойти приобщеніе ихъ къ книжному русскому языку въ такой же мѣрѣ, какъ приобщена къ нему современная украинская интеллигенція. А потому не

вижу я въ размышленіяхъ автора тѣхъ прочныхъ основныхъ пунктовъ, которые убѣждали бы меня въ рациональности намѣченного имъ пути. Между тѣмъ та программа, которая намѣчается украинскими интеллигентами (назовите ихъ украинофилами ¹⁾ или украинцами,—это вопросъ совершенно нежизненный), кажется мнѣ и послѣдовательной, и справедливой, и исполнимой, и не представляющей никакихъ опасеній для дѣйствительнаго единства общерусской культуры.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Если начальная школа на Украинѣ, даже при всеобщемъ обученіи, въ силахъ дать массѣ только элементарную науку, то естественно стремиться къ тому, чтобы эта наука прошла какъ можно продуктивнѣе, а это обусловливается прежде всего преподаваніемъ и обученіемъ на родномъ языкѣ. Посильнымъ результатомъ начальной школы должно быть, кромѣ сообщенія элементарныхъ знаній, приученіе дѣтей, въ возрастѣ приблизительно 12 лѣтъ, къ умѣнію читать сознательно отвѣчающія возрасту и развитію книги на своемъ же языкѣ. Сверхъ того, въ этой же школѣ можно, какъ я сказалъ на основаніи опыта и наблюденій, научить очень поверхностно понимать русскую книжную рѣчь. Изъ всей этой массы школьниковъ сравнительно небольшая часть будетъ въ состояніи продолжать свою школьную науку въ послѣдующихъ градаціяхъ школъ—двухклассныхъ, трехклассныхъ, четырехклассныхъ училищахъ; остальное, громадное большинство ихъ обречено будетъ получать дальнѣйшее развитіе свое и приобрѣтеніе новыхъ знаній внѣшкольными путями: слушаніемъ различныхъ лекцій, чтеній, собесѣдованій, а главное—самостоятельнымъ чтеніемъ книгъ. Кто же будетъ исполнять всю эту вспомогательную работу для нихъ? Конечно, интеллигенція разныхъ ступеней ея. Ясно отсюда, что эта интеллигенція должна быть готова къ подобной работѣ, т. е. должна сама хорошо владѣть тѣмъ языкомъ, на которомъ ей придется и бесѣды вести, и книги составлять, а потому сама собой является необходимость въ слѣдующихъ градаціяхъ школъ—низшихъ и среднихъ—вести обученіе родному языку тѣхъ изъ болѣе счастливо обставленныхъ

¹⁾ Считаю только неудачнымъ терминъ *украинофиль* по отношенію къ украинцамъ по происхожденію. Вѣдь не скажутъ же о полякѣ, что онъ *полонофиль*!

дѣтей, которыя попадутъ въ эти школы, а на-ряду съ обученіемъ родному языку будетъ итти здѣсь же болѣе прочное усвоеніе русскаго книжнаго языка для того, чтобы открыть возможность учащемуся юношеству пользоваться въ своемъ развитіи и совершенствованіи богатой русской литературой и наукой. Но разъ мы вышли естественными шагами на вторую ступень родного языка, такъ сказать, на книжную ступень, мы не можемъ поставить насильственныхъ границъ дальнѣйшаго развитія его, и въ области научныхъ приемовъ изложенія, и тѣмъ болѣе въ области художественной гармоніи самого языка. Самъ собою идетъ впередъ весь процессъ выработки книжнаго родного языка, и тѣмъ правильнѣе, и безболѣзненнѣе онъ будетъ совершаться, чѣмъ меньше искусственныхъ преградъ и задержекъ будетъ поставлено извнѣ. Знаю, что по этому поводу скажутъ: да и нежелательно, чтобы удачно шло развитіе мѣстнаго книжнаго языка, такъ какъ это будетъ въ ущербъ распространенію общерусскаго языка. На это могу отвѣтить:

Во-первыхъ, здоровое, нормальное распространеніе этого книжнаго русскаго языка и теперь, и въ ближайшемъ будущемъ все равно немислимо, а коверканный языкъ есть то патологическое явленіе, которое никому не на пользу, такъ какъ подобный языкъ убиваетъ всѣ высшіе художественные порывы души человѣка, создаетъ какую-то псевдокультуру, а главное—нисколько не приобщаетъ къ той дѣйствительной общерусской культурѣ, о которой заботится г. П. Струве и отъ которой не отказываются и украинцы.

Во-вторыхъ, не надо забывать, что изъ тѣхъ элементовъ народа, которые по окончаніи начальной школы единицами пройдутъ и среднія, и высшія школы, образуется все та же интеллигентная украинская среда, которая путемъ долготѣней школьной науки и жизни освоится вполне съ книжной русской рѣчью и такъ же точно, какъ и теперь, приметъ посильное участіе въ общерусской культурѣ. Существенная разница съ теперешнимъ положеніемъ будетъ заключаться въ томъ, что интеллигенція украинская, не потерявшая своего родного языка, а совершенствовавшая его и въ школѣ, и въ своихъ самостоятельныхъ трудахъ, не будетъ оторвана отъ своего народа и потому будетъ въ силахъ честно служить ему, помогая

выходить изъ „тихихъ и глубокихъ заводей народной жизни“ на болѣе широкую политическую арену сознательной гражданственности.

А что будетъ далеко впереди, когда настанетъ этотъ періодъ сознательной гражданственности, рѣшать не берусь; отъ всего сердца пожелаю только, чтобы путемъ мирной, дружной работы всей интеллигентской семьи въ Россіи возможно успѣшнѣе совершался объединенный процессъ подъема всей російской культуры, во всѣхъ отдѣлахъ русскаго племени и во всѣхъ иноплеменныхъ народахъ, входящихъ въ составъ русскаго государства.

Вотъ одинъ изъ вопросовъ, на которомъ я считалъ необходимымъ остановиться въ этотъ разъ по поводу статьи г. П. Струве. Эта статья его, являющаяся отвѣтомъ на статью У к р а и н ц а („Русская Мысль“, 1911 г., № 5), который касался многихъ изъ вопросовъ, составляющихъ предметъ и моихъ замѣтокъ, имѣетъ въ основѣ своей посылку, признаваемую авторомъ несомнѣнной, но отрицаемую мною по существу. Авторъ, очевидно, убѣжденъ, что общерусскій языкъ есть та срединная форма, которая обща всѣмъ русскимъ народностямъ, а потому легко можетъ стать достояніемъ всѣхъ ихъ. Но вѣдь это надо доказать раньше, чѣмъ дѣлать на основаніи такой посылки свои выводы. Къ сожалѣнію, въ статьѣ г. П. Струве никакихъ фактическихъ доказательствъ нѣтъ, но зато очень много, — я сказалъ бы, — лирическихъ мотивовъ, которые очень красивы, но не убѣдительны. Вопросъ о положеніи книжнаго русскаго языка по отношенію къ украинскому настолько сложный, что о немъ нужно говорить въ спеціальной статьѣ, что, вѣроятно, и будетъ сдѣлано кѣмъ-нибудь изъ специалистовъ-филологовъ.

Старый Українець.
